

У него странное для лошадиника имя — Модест. Сиплый, ласковый голос и необыкновенная деликатность. В седьмом часу вечера осторожный стук в дверь.

— Модест, ты?

— Я, Маньичка. Можно?

И входит потный, похудевший, вытирая платком веспушчатое лицо и весело говоря:

— Это же, ей богу, кошмар! Там такая жара, пыль и такие жуки! Сплошная наглость! Ну, добрый вечер, голубка, живенько вставай и одевайся. Предлагаю немножко покутить в «Тиволи». Что ты на это скажешь, золотко? Надеюсь, довольна?

И с хитрым смешком треплет по розовой сорочке на ляжке.

16.10.44

Парижский архив Бунина.

Впервые опубликовано в 1962 г. в Нью-Йорке. Печатается по тексту этой публикации.

КРЕМ ЛЕОДОР

— Послушай,— говорит он, сдвигая брови.— Так дальше продолжаться не может. Я давно хотел поговорить с тобой серьезно...

Щелкнув плоским золотым портсигаром, закуривает новую папиросу, швырнув окурочек в камин.

Она, в японской прическе, в цветистом кимоно, полулежит на атласных подушках на оттоманке, сбросив на ковер соломенные сандалии и подобрав под себя босые ноги, показывая голые блестящие коленки под короткой, точно детской розовой сорочкой, мягко выгнув талию, оставив овальный зад; просматривает объявления в газете «Харбинская зоря» и отвечает, не поднимая глаз:

— Я слушаю.

Он, прислонясь к камину, отрывисто затягиваясь и тревожными, сумасшедшими глазами то и дело взглядывая назад, в зеркало над камином, начинает говорить — страстно, старательно, книжно, выделяя запятые и придаточные предложения. Она иногда взмахивает на него пушистыми детскими ресницами синих ангельских глаз, но все смотрит вкось на газету: «Вышел в свет новый роман Марка Долинского „Маскарад чувств“, около 400 страниц убористой печати. В этом романе талантливый автор смело подходит к щекотливой теме: жена или любовница? — сочными мазками давая яркий образ героя, запутавшегося в противоречиях душевных эмоций и звериного зова разнузданной плоти».

— Я прошу тебя слушать! — говорит он резко и громко.— Брось газету!

— Я все прекрасно слышу. Только я совершенно не понимаю, какая муха тебя укусила...

— Эта муха кусает меня с самого приезда нашего в Париж! Еще в Харбине я не раз говорил тебе совершенно определенно: совместная жизнь, налагающая как на мужчину, так и на женщину известные обязательства, повелительно требует...

Она встряхивает стриженной и подвитой головой и опять косит глаза: «Красивые руки нежного матового оттенка легко приобретаются, ухаживая за ними кремом Леодор. Этот крем с чудным запахом поможет каждой элегантной женщине оставаться победительницей, отвечая всем требованиям, которые ставятся к современным средствам ухода

за красотой...» Потом, не глядя на него, говорит как можно естественнее:

— Я все-таки не могу понять, что ты хочешь от меня. Какие еще обязательства нужны тебе? Я не виновата, что кто-то как-то смотрит на меня...

Он опять швыряет окурок, опять щелкает портсигаром и полоумно взглядывает назад, в зеркало: лицо, на мгновение отразившееся в зеркале, кажется ей кривым, как всякое отражение чужого лица. Это ей смешно, но она туго и грустно продолжает:

— Я не виновата, что ты всюду и всегда...

Он запальчиво перебивает:

— Виновата или не виновата, но я знаю одно! То, что этот прохвост позволяет себе обращаться с тобой, как с своей б<...>. И я заявляю тебе в последний раз...

Она опять косится:

«Издательство „Пропилеи“ только что выпустило в продажу роскошно изданный содержательный труд известного германского ученого д-ра Адольфа Кайзера „Техника любви“, который несомненно явится настоящей книгой для всякого живущего сексуальной жизнью и пытающегося познать ее в самых сокровенных формах и проявлениях, со множеством пикантных иллюстраций в тексте на лучшей меловой бумаге. Труд этот поднял в Германии целую революцию и разошелся в громадном количестве экземпляров, представляя собой целую симфонию оттенков страсти...»

Он решительно застегивает пиджак, сверкая глазами:

— Я твердо говорю в последний раз: если ты...

Она вдруг вскакивает, сбрасывая с оттоманки толстые ноги с золотыми ногтями, и жалобно вскрикивает топким голосом:

— Ты запутался в противоречиях разнузданного зова! Оставь меня ради бога в покое!

<1944>

Машинопись с авторской правкой. Фотокопия (ГБЛ; подлинник в собрании С. Ю. Прегель, Париж). Подпись: Ив. Бунин; дата в конце («2 <прзб.>. 44») зачеркнута. В 1946 г. Бунин послал эту рукопись С. Ю. Прегель для издаваемого ею журнала «Новоселье» со следующим обращением: «Дорогая Софья Юльевна, вот что могу сейчас предложить. Думаю, что это довольно страшная история, одна из тех, которыми переполнен мир. Не поправится... не печатайте. Сердечный привет. Ив. Б.»

Впервые: «Новоселье», Нью-Йорк, 1947, № 31—32 (январь — февраль).

Воспроизведено (без указания на источник): «Наш современник», 1962, № 5.

ПРОРОК ОСИЯ

В Иудее показывали мне немало легендарных мест: вот пещера, где скрывался пророк Иеремия, вот развалины дома, в котором жил пророк Осия...

«Начало слова господня к Осии. И сказал господь Осии: иди, возьми себе жепу блудницу и детей блуда: ибо сильно блудодействует земля сия, отступивши от господя...»

«И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима...»

Придержав верховую лошадь, проводник говорил:

— Вот здесь жил пророк Осия.

И я смотрел на груды неотесанных серых камней, — развалившийся остов первобытной хижины, проросший огромным кактусом, под которым торчали кое-где края разбитых черепков... Ужели и впрямь тысячелетия тому назад жили они тут, Осия и Гомерь? Я долго стоял в оцепенении, думая о нем и о сей, глядя на безобразно завалившиеся камни, на толстые,